

ЧЕРНОБЫЛЬ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

12+

НАТАЛЬЯ КАРПОВИЧ

Наталья Николаевна Карпович Чернобыль. Страницы жизни и любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57213156

SelfPub; 2020

Аннотация

Автобиографическая история о невероятной любви и безутешной боли, которую надо преодолеть, чтобы выжить и двигаться дальше, добиваясь успеха. Мир Натальи, хрупкий и таинственный, после встречи с Сергеем заиграл новыми красками. Казалось, теперь счастьем не будет конца. Красивая свадьба, планы на будущее, дети. И вдруг, уже в конце 90-х, в жизни героев опять прозвучало это страшное слово "Чернобыль". Книга расскажет на реальном примере, как найти силы, когда смысл жизни потерян, а мир прекратил существовать.

Эти слова в моей душе для мамы Серезжи Галины Акимовны:

«Дорогая мама. Спасибо Вам за прекрасного сына, мужа, отца, человека, защитника Родины. Низкий поклон».

С уважением и любовью,

Наташа

*Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась любовь
И затаилась, замерла до срока,
А срока было сорок сороков...*

В. Высоцкий

Наша жизнь – это множество знакомств, встреч и расставаний. Когда-то давно, будучи совсем юной девушкой, я вышла замуж за человека, которого любила. У нас родилась

дочь. Казалось, все шло своим чередом, однако со временем мы поняли, что совместная жизнь невозможна...

То ли любовь прошла, то ли не было ее вовсе, а может, гордыня не дала понять и простить друг друга. Как мы разошлись, я описывать не стану. Расставание для меня было страшным, мучительным. Тогда я получила от жизни большую оплеуху, многое переоценила и поняла. Иногда, помимо моей воли, мозг буравила мысль, заставлявшая похолодеть: неужели я больше никогда в жизни не испытаю неповторимого, неземного ощущения настоящей Любви? Со мной осталась дочь, я начала новую жизнь, но все равно было очень тяжело: чувство одиночества с каждым днем становилось острее. Я стала анализировать свое состояние, записывать мысли, приходившие тогда в голову.

«Одиночество – это не самое плохое состояние, оно многому учит и заставляет думать. Жизнь раскрывается совершенно по-другому, ты словно наблюдаешь ее со стороны и потом находишь выход. Только в одиночестве познаешь цену настоящего тепла и близости, нежности и любви. Оно учит и совершенствует тебя. Не надо бояться одиночества, оно не враг, а друг...» Сами собой возникали вопросы: чего я хочу? кто Он? Я искала Его и знала, что Он где-то есть.

Вернусь к своим старым записям: «Я уверена: как только человек, которому буду нужна, встретится на моем жизненном пути, все встанет на свои места. Пока же я обязана жить и вести свои дела. Неважно, будет этот человек богат

или беден, я приму его любим, лишь бы он нуждался в моей любви, искренности и честности и сам был способен любить и беречь меня. Где ты, мой единственный друг? Я так устала от лжи и притворства, приди скорей и защити меня, закрой от всего этого! Как же мне хочется жить с любовью в душе, приклонить голову к твоему плечу, почувствовать твой запах.... Однажды встретить и узнать, что ты всегда будешь со мной. Просыпаться от твоего поцелую и целовать тебя спящего, ощущая твое дыхание.... Говорить с тобой обо всем, баловаться, смеяться и плакать, ждать и каждый раз радоваться твоему приходу. Я так соскучилась и устала без тебя. Приходи домой, мой милый. Я знаю, что ты тоже устал и ждешь встречи со мной. Ты ищи, и мы обязательно будем вместе. Поцелуй нас объединит. Наша постель унесет нас в мир любви и наслаждений. Мы подарим друг другу бесценный дар – нашу любовь. Обретем покой и счастье. И будем сохранять его и беречь. Я жду тебя, мой единственный любимый человек...»

* * *

Встреча с Ним была очень простой, обыденной и в то же время удивительной. В конце октября 1996 г. я, как обычно, подъехала к бассейну, в котором ежедневно бывала вот уже

четыре года. Бассейн – это отдушина, едва ли не единственное место, где я отдыхаю, расслабляюсь, где никогда не комплекую и не чувствую себя несчастной.

Настроение было под стать погоде – паршивое. Одинокая и с ноющей болью в душе я стала парковаться. Подъезжая к стоянке, я увидела молодого человека в сером плаще, который активно жестикулировал руками, показывая, как лучше поставить машину. Причем делал он это явно с расчетом, чтобы на него обратили внимание. Я вспомнила, что раньше видела его в бассейне – он всегда приходил с другом, но не обращала внимания, в какое время он появляется. Вообще-то в лицо я знала почти всех, а по именам – лишь некоторых.

В тот день я подсознательно почувствовала, что он обратил на меня внимание. Почему-то я замешкалась у машины, и получилось так, что к входной двери в бассейн мы с ним подошли почти одновременно. За спиной я услышала мужской голос:

– Ну что, купнемся?

Повернув голову и взглянув на него, неожиданно для себя испытала сразу несколько чувств: раздражение, волнение, интерес. Ответила я игриво, но в то же время свысока:

– Легко!

В холле я с возмущением рассказала о поведении молодого человека, – каков нахал! – своей знакомой, работавшей на контроле. Ее нелестное высказывание о нем почему-то еще

более ухудшило и без того плохое настроение. Я долго болтала с девчонками в кафе, потом пошла в солярий. Когда, наконец, очередь дошла до спортзала и бассейна, молодых людей уже не было...

Мало ли в нашей жизни происходит случайных встреч, которые ничего не значат и быстро забываются, не изменив ее размеренного течения. Однако через несколько дней в спортзале я снова увидела этого молодого человека. Он вежливо со мной поздоровался – и все. Так продолжалось несколько занятий.

Некоторое время спустя он подошел ко мне и уже как знакомому человеку, искренне огорчаясь, стал рассказывать о том, как ему разбили машину. Помню, что именно эта искренность поразила меня тогда. Я стала присматриваться к нему. Он мне нравился. Хорошо подстрижен, легкая небритость. Глаза.... Да, у него были красивые голубые глаза, длинные ресницы. Он был хорошо сложен, хотя... хотя ноги у него были, пожалуй, коротковаты. В общем, он произвел на меня впечатление. Женщинам он нравился, это чувствовалось, как, впрочем, и то, что он тоже не был к ним равнодушен...

Какое-то время мы не виделись: мне было тяжело, я снова была морально подавлена и сидела дома. Ко мне приехал мой друг и вытащил – именно вытащил! – меня в бассейн. Мы поехали на его машине. Я вошла в бассейн, не имея ни малейшего желания заниматься. Автоматически хотела идти

переодеваться, как вдруг сзади послышались шаги:

– Здравствуйте!

Повернув голову, я увидела того самого молодого человека. Он был искренне рад нашей встрече, улыбался, и у меня как-то сразу полегчало на душе.

Мы долго болтали. Его звали Сергеем. Я предложила продолжить общение в кафе после занятий, он замялся, сказал, что, наверное, не сможет. Моя реакция была на удивление спокойной: «Ну что ж, как-нибудь потом!».

От тренировки я получила удовольствие, что в последнее время случалось очень редко. Войдя после занятий в кафе, я увидела его. Он ждал, предложил довезти меня до дома. Вместе с другом они согласились подождать, пока я перекушу.

Мы ехали в красивом автомобиле его друга: машина Сергея все еще находилась в ремонте. В дороге я разоткровенничалась, почему-то сразу рассказала и о своей не сложившейся личной жизни, и о дочери, и об учебе... Друг Сережи довез нас до моего дома, он сильно торопился и сразу уехал. Сергей вышел со мной. Погода была промозглая, слякотная – стоять в арке было глупо. Я повернулась к своему новому знакомому и сказала:

– Не подумайте ничего плохого, но я могу пригласить вас к себе на чай.

Он согласился. Я понимала: он шел не за чаем, ему надо было «поставить галочку» – завтра на работе его ждали с по-

бедой.

Мы поднялись ко мне, долго беседовали. Он действительно мне нравился: особенно привлекала его искренняя манера разговора. Я любовалась им, но почему-то была уверена, что между нами ничего не будет.

Естественно, он опоздал на метро. Постелив ему постель, я хотела уйти из комнаты. Но вдруг он обнял меня и крепко прижал к себе. Я хотела оттолкнуть его, вырваться, но вместо этого только чуть-чуть дернулась. Он держал меня крепко, его сильные руки не отпускали меня. Губами он ласкал мои щеки, шею... Я осталась с ним...

Наконец-то оно пришло – чувство, что это он – тот единственный, которого я так ждала. Обняв его, я в этом уже не сомневалась. Возникло удивительное ощущение целостности, гармонии. Он был настойчив и нежен. Мне было безумно хорошо, но мысль о том, что это счастье лишь на одну ночь, не покидала меня. Я ушла к себе, но он снова оказался рядом, и было такое ощущение, будто мы вместе уже лет сто, я наслаждалась тем теплом, которое он мне давал...

Сергей разбудил меня рано утром. Ему надо было уходить на работу, а меня опять не покидало ощущение того, что сказка закончилась, прекрасный сон оборвался и больше ничего не будет. Мы долго прощались. Он говорил, что не хочет уходить, и я верила в это, хотела верить. Был четверг, 31 октября.

Прошла пятница. Он мне не позвонил. В голову лезли раз-

ные мысли. Все правильно, я ведь знала, что будет именно так, и успокаивала себя тем, что я свободная женщина и делаю то, что хочу.

Его субботний звонок застал меня врасплох. Я безумно хотела увидеть Сергея, но вела себя сдержанно. Он рассказал, что плохо себя чувствует, но может приехать за мной. Я ответила, что нахожусь неподалеку и могу заехать к нему сама. Для себя уже решила: будь что будет, но ехала, почему-то очень волнуюсь.

Мы прекрасно провели время. Рядом с ним я чувствовала себя настоящей женщиной – желанной, слабой, защищенной. И сколько бы ни было у него женщин, в тот миг он был только мой. И делал все только для меня: принес мне в постель легкий полдник, много рассказывал и смеялся.

Сергей предложил посмотреть его альбомы. Листая страницы, я увидела фото девушки, которую знала. Он немного смутился, сказал, что надо было убрать эту фотографию. Но я спокойно отреагировала: «Это твоя жизнь, и не надо из нее ничего убирать, главное то, что сейчас мы вместе и нам хорошо. У тебя есть своя жизнь, а у меня своя». Сергей понял, и от этого наши отношения стали еще теплее.

Конечно, мне было неприятно увидеть эту фотографию, однако я не имела права его в чем-то упрекать. Я была с ним, а это самое главное. Вечером мы расстались, он поехал на день рождения к девчонкам, а я – к себе домой. Мне безумно не хотелось с ним расставаться, но я не чувствовала се-

бя вправе вмешиваться в его планы. Было немного больно и обидно, и я вновь утешала себя тем, что знала: все это не надолго...

Он позвонил ночью, попросил разрешения прийти. Был довольно пьян. Уснул. Но даже такой он мне нравился. Рядом с ним было удивительно легко и хорошо.

Утром мы поехали на «поляну». Это удивительное место. Туда приходят люди с собаками-питбультерьерами, притравливают их, готовят к боям. Это зрелище поразило меня не меньше, чем человек, который привел меня туда. Уже пора было уезжать, а мы стояли, как дети, держась за руки, и не находили слов. Так прошло наше первое воскресенье.

Мы стали встречаться, отрезав все прошлое, и вошли в настоящее, которое принадлежало только нам. Я узнавала Сергея все больше и больше, наслаждаясь мгновеньями, проведенными с ним наедине. Но я ведь мать, и жизнь поставила меня перед необходимостью тяжелого выбора: оставаться на выходные с человеком, с которым безумно хорошо, или с дочкой, в которой души не чаешь и которой нужна больше всех на свете. Но он – самый лучший на свете, мой родной, единственный человек – все поставил на свои места.

Я сказала, что в эти выходные не смогу с ним встретиться, поскольку проведу их с ребенком. Он быстро предложил другое решение:

– Ты нравишься мне, значит, понравится и твоя дочь. Я хочу с ней познакомиться.

Тот вечер мы провели как настоящая, дружная семья. Я привезла от своих родителей дочку. Сергей познакомился с ней и был по-настоящему счастлив. Он шутил, не переставая, а немного выпив, стал таким забавным.

Однажды к нам в гости пришли друзья. Сережа стал им говорить о том, что у меня в животе его сынок. С чего бы? Правда, уже в первые дни нашего знакомства он сказал мне: «Знаешь, ты та женщина, от которой я хотел бы иметь ребенка». С самых первых встреч он относился ко мне с теплотой и нежностью. Сейчас он знал, что у меня задержка, но просил ничего не решать без него.

В этот вечер он хвастался друзьям, что я жду от него ребеночка. И я увидела, что он не шутит, он действительно хотел этого малыша. А самое главное, он любит мою дочь и относится к ней с заботой и вниманием. Этот человек становился для меня самым дорогим и близким.

Но я знала, что так не может быть, так не бывает. Когда он спал, я часто сидела около него, гладила его, наслаждалась его запахом и ощущением того, что нахожусь рядом с ним. Иногда становилось так обидно, что мы с ним просто встречаемся, а ведь вместе-то не будем! Он бабник, холостяк, человек, живущий сегодняшним днем. Зачем ему женщина с ребенком и со всеми своими проблемами? Почему я так боялась поверить в свое счастье? Откуда у меня была уверенность, что все это временно?

Задержки на неделю или на две стали постоянными. Сер-

гей спросил меня: «Все в порядке?» Я ответила: «Ходила к врачу, он сказал, что если рожать, то спираль надо снимать. Если же не рожать, то все равно надо ее снять и пользоваться другими средствами, а то из-за этих задержек потом могут возникнуть сложности при беременности».

Он взял мои руки, поцеловал и сказал:

– Снимай ее к черту.

Я попыталась возразить:

– Я сразу забеременею.

– Да, да. И родишь мне сына. У нас с тобой будет сын.

Сереза потихоньку стал перевозить вещи ко мне, причем делал это очень тактично и осторожно. Мы сходили к врачу и стали ждать момента, когда наша близость принесет нам радость, плод нашей любви. Все произошло очень быстро: в январе я забеременела. Сереза был так счастлив!

Он перевез вещи, но ему все равно было тяжело, надо было привыкнуть, ведь все вокруг было чужим.

На старый Новый год у нас дома появился пес Добрый. Перед этим мы каждую неделю ездили к другу Сергея смотреть на Доброго. Я знала, что Сереза очень любит этого щенка, и предложила взять его к нам.

Неожиданно на нас обрушилась куча проблем и неприятностей: Серезину должность сократили, мы стали потихоньку закрывать мой бизнес. Но все беды он делил со мной, все эти дни и ночи он был рядом, закрывая меня от проблем своей любовью. Я знала, что любима, что он рядом, и поэтому

все будет хорошо.

Это был очень тяжелый период нашей жизни, и только благодаря Сереже я выжила. Состоялась наша свадьба. Сережа сказал, что мы должны расписаться – нечего байстрюков плодить. Бракосочетание мы назначили на 25 апреля. Это была очень красивая и счастливая свадьба. Нам было весело, мы наслаждались друг другом. Мы любили и уважали друг друга. Сколько было тепла, любви, счастья и нежности в его глазах! На свадьбе он спел мне песню, которая вызвала слезы у всех. Он пел для меня. Он пел своей любимой женщине. Мне.

Беременность протекала очень тяжело. С первых дней начался сильный токсикоз. Сергей очень переживал, боялся за меня. Один раз, видя, как мне плохо, сказал:

– Может, поедем, сделаем аборт, ведь тебе так плохо.

Я знала, что ради меня он был готов лишиться себя сына, но не могла поступить так, я хотела сохранить нашего ребенка, ребенка от него. Он целовал меня и говорил:

– Я люблю тебя, моя единственная. Только ты можешь все выдержать, и я рад, что ты моя и носишь моего малыша.

Я помню его слова, и как приятно, когда твой родной, любимый человек ценит и понимает все. И какое счастье быть с таким человеком.

Наше материальное состояние ухудшалось, но мы все равно собрались съездить к Сереже на родину – на Украину. Он очень хотел познакомить меня со всеми родными и знако-

мыми, чтобы они непременно увидели его жену.

Когда мы познакомились, он всем говорил: «Это моя любимая женщина», а когда расписались: «Это моя жена». Слово «жена» стало звучать для меня как музыка. Какой счастье быть его женой. А он гордился и хвастался своей семьей. Он любил нас – меня и дочь.

Мы замечательно отдохнули, и у Сережи дома мне было очень хорошо: милые, добрые родители, замечательные, искренние друзья. Мы пробыли на Украине всего две недели, но надо было возвращаться: дочке Лене настала пора идти в первый класс.

Вскоре решился вопрос об усыновлении Елены Сережей, он официально стал ее папой. Когда ему вписали ее в паспорт, он бегал и всем показывал, что у него есть дочь. Он этим очень гордился. Лена пошла в школу с новой фамилией и отчеством, она очень любила папу. Он сделал для нее все: она пошла в лучшую школу. Дочь стала нашей, а он был отцом – настоящим и единственным.

Схватки начались на две недели раньше. После посещения консультации врачи посоветовали срочно ехать в больницу. Токсикоз был с первых до последних дней, я не набирала веса, силы уходили. Он очень переживал, но его не покидала уверенность, что у нас будет сын, сын и только сын. УЗИ подтвердило, что должен родиться мальчик, даже сделали снимок. Сережа всем его показывал, хотя неспециалисту что-то понять там было трудно.

Роды были долгими и тяжелыми, только на следующий день к вечеру, в 18.45, я родила сына Александра. Обо мне долго не давали никакой информации, поскольку я была в тяжелом состоянии.

Серее почему-то сказали, что у него дочь. Медсестра, сообщившая это, выслушала поток брани и ругательств: у него был шок, обида на всех и вся. Ему нужен был только сын. Через 20 минут ему перезвонили домой и с извинениями сообщили, что у него сын: вес – 3,900, рост – 53 см. Он рассказывал, что в этот момент жизнь вернулась к нему. Счастье было через край, он любил нас, и мы это чувствовали на расстоянии.

Серее приходилось ездить на машине, халтурить: жить было не на что. А меня надо было хорошо кормить. Ночью заработает, а днем все потратит и везет мне продукты в роддом. Да дома дочку покормить и в школу отправить – все было на нем.

Нас выписали 14 октября. Он встречал меня с охапкой роз и был самым счастливым папой на свете. Мы жили дружно, и жизненные проблемы делали наш брак только крепче, из-за денег не было ссор никогда. Маленький Сашка принес еще больше уважения и тепла в отношения между нами. Наверное, это и есть самое настоящее счастье.

Мы наблюдали, как растет наш малыш, и наслаждались своим счастьем: мы вместе, у нас есть дочь и сын.

18 апреля 1998 г. Серее исполнилось 34 года. Мы отме-

чали его день рождения дома. Рано утром я положила ему на подушку красиво упакованную коробочку. В ней были часы – те, которые ему безумно нравились. Титановые. Он всегда их хотел. Я была рада, что смогла заработать деньги, накануне побежала в магазин, долго выбирала. Часы ему очень понравились. Весь день он хвастался и воображал – он умел делать это весело и добро. Этот подарок он берег и хранил до конца жизни.

В конце мая самочувствие Сережи ухудшилось, стали усиливаться боли в животе, на правом боку росла шишка. Боли случались и раньше, но, бывало, он поголодает – и все проходило.

В 1986 году Сергей был ликвидатором аварии на Чернобыльской АЭС. Когда двенадцать лет спустя боли стали беспокоить его постоянно, он поехал в черновыльскую поликлинику, ему дали направление на отоскопию. В условиях поликлиники ее сделать нельзя, нужно было лечь в стационар. Он очень не хотел идти в больницу, боялся. Мы звонили в разные медицинские центры, узнавали, но пришлось лечь в стационар. Сережу не стали обследовать и даже не сделали назначенный в поликлинике рентген, а всего лишь удалили полип, который располагался совершенно в другом месте. До источника боли врачи попросту не дошли, так как пациент был плохо подготовлен к операции.

Сережа пролежал в больнице три недели. Впервые я пришла к нему в день операции, и мне стало страшно: он был

бледно-зеленый, весь измученный. Я принесла ему корзинку с розами. Он ухаживал за ними, поливал их. Затем я приходила каждый день. Уже перед выпиской я подошла к очередному лечащему врачу и спросила, насколько серьезно его положение. Ответ прозвучал, как гром среди ясного неба: возможен рак. Земля стала уходить из-под ног, мир разом померк. Но за моей спиной, метрах в пяти, стоял Сергей. Поэтому я собрала все силы и подошла к нему с улыбкой:

– Все хорошо, это полипы. Осенью тебя долечат, и ты окончательно поправишься.

Я не знала, что делать. Я гнала мысли о худшем. Однако, глядя правде в глаза, нужно было признать: когда он пришел домой, его состояние было намного хуже, чем до больницы. Он сильно похудел, боли усиливались.

Наступило лето. Оно уже не радовало, мы никуда не ездили. Два раза выезжали за город, но ему было плохо – приходилось возвращаться назад. Мы ждали осени.

8 сентября Сережу положили на терапию в ту же больницу. На следующий день сделали назначенный рентген, после чего Сережу перевели в хирургическое отделение, а меня вызвали к врачу.

К доктору я приехала с сыном. Мы сидели в кабинете заведующего отделением, он посмотрел на меня и спросил:

– Вы догадываетесь, что с вашим мужем? Вы хотя бы что-то знаете о его состоянии?

Да, я знала, что у Сергея рак. Диагноз подтвердился, но

какая это стадия и чего ждать, доктор мог сказать только после операции. И опять, идя к Сергею, я улыбалась и говорила, что все хорошо, ничего страшного, мы вместе.

Операцию назначили на 17 сентября, через два дня у меня был день рождения. Я плакала, не могла поверить, что у моего Сережи рак.... Нет, все будет хорошо, я знала, я верила – все будет хорошо.

Это страшное чувство, когда все внутри разрывается, хочется рвать на себе волосы, кричать. Но выхода нет.

Я приходила к нему каждый день – нам было о чем поговорить, мы любили просто быть вместе. Лечащий врач нам нравился. Он был Сережиного возраста, очень приятный и внимательный.

В день операции я приехала к часу дня: операция была назначена на утро. Когда я вошла в палату, мне сказали, что его только что увезли. Минут десять назад. Время шло медленно, мне было страшно и беспокойно. Я сидела в холле, сами собой текли слезы.

Больные подходили ко мне, успокаивали, рассказывали разные истории, очень хорошо отзывались о хирургах. Эти милые люди поддерживали меня. Мне очень помогло, что они были рядом. Спасибо вам, дорогие.

Я пошла в церковь, которая находилась напротив больницы. Вошла, помолилась, поставила свечку. Слезы застилали мои глаза. Выходя из церкви, я купила Сереже крестик. Маленький, золотой на кожаной веревочке. Мне очень хоте-

лось, чтобы он чувствовал, что я все время рядом. Я знала, что он будет в реанимации и меня к нему не пустят, цветы туда тоже нельзя, а крестик ему обязательно передадут. После наркоза он его увидит, и ему станет чуть-чуть легче, спокойнее.

Мне говорили, что такие операции длятся долго. Но прошло всего два часа, и наш доктор позвал меня в кабинет заведующего. Все внутри у меня оборвалось, я чувствовала, что сейчас я услышу что-то самое страшное в своей жизни... Доктор спокойным, мягким голосом начал беседу:

– Я должен сказать вам правду.

Ему было тяжело, он не мог смотреть мне в глаза.

– Да, доктор, только правду, – ответила я.

Правда была столь ужасна, что все перевернулось. Мне казалось, я сойду с ума.

Рак, четвертая стадия, неоперабелен. Поздно.

Если бы слезы и крик могли что-то изменить! Я плакала, я не хотела верить:

– Я его люблю, все, что угодно, но только не это, не с ним, нет, нет.

Доктор, мой милый доктор, я и сейчас слышу ваши слова:

– Поплачь, девочка, только здесь и сейчас, а потом ты не имеешь права.

И я плакала, плакала, рыдала.

– Сколько он будет жить?

– Очень мало, от нескольких недель до полугода.

Боже, как это страшно, какая-то нечеловеческая боль, будто изнутри разрывает тебя на части, и от нее нет избавления. Хочется орать, кататься по полу, биться головой об стену, а жить не хочется. Человек, которого любишь, умирает, а ты ничего не можешь сделать.

Во мне все перевернулось. Я не могу его потерять, я его люблю, он – моя жизнь. Это самый лучший, самый удивительный человек. Я не могла поверить, что теряю его. Боль пронзила меня. Доктор вышел, я осталась одна, у меня было время хотя бы немножко собраться. Доктор сказал, что я сама надену ему крестик. Но я должна успокоиться. Мы решили ничего не говорить Сереже. Я знала, что мой любимый, дорогой человек не готов сейчас воспринять такую страшную информацию. Он должен восстанавливаться с мыслью о том, что все будет хорошо. А я буду бороться за него. У нас действительно все будет хорошо. Сейчас не время знать ему об испытании, уготовленном судьбой...

Вошел доктор. Его голос вернул меня на землю:

– Пойдем, но ты должна держаться.

Я пообещала.

– Сережа сейчас спит.

Мы вошли в палату интенсивной терапии. Мой родной – боже, как я люблю его – спал. Я подошла, стала его целовать, говорить ему шепотом слова любви. Я слышала его голос:

– Мне больно, где я, где?

Я погладила его, стала успокаивать: все хорошо, теперь

все хорошо. Слезы текли у меня по щекам, я целовала его. Доктор помог надеть ему крестик. Я вышла из палаты, силы окончательно покинули меня. В холле я увидела двух Сережиных друзей. Они подошли ко мне и сказали, что все знают. Ребята поддерживали меня, как могли. Доктор попросил их не оставлять меня, довезти до дома, затем обратился ко мне:

– Приходи завтра, ты нужна ему, но необходимо держать себя в руках.

– Я буду держаться, буду.

Ребята повезли меня в кафе, я плакала. Мы долго разговаривали. Нам не хотелось верить в смертный приговор, правда была слишком жестокой. Мы надеялись, что наш Сережа будет жить. Он любит жить и должен жить. Другого и быть не может. Боль душила меня, но я знала, что завтра должна быть сильной.

К нему я пришла с утра. Он не спал. Я принесла ему корзину роз. 33 бордовые розы. Очень красивые. Я так хотела, чтобы ему было хорошо! Он должен быть счастливым и чувствовать себя нужным и любимым.

– Зачем ты тратишь деньги, дурочка?

Но ему было очень приятно, глаза улыбались. Мы поздоровались. Я его поцеловала.

– Как дела, мой хороший?

Он начал с вопроса:

– Что это за крестик?

Я улыбалась.

– Ты знаешь, я чувствовал, что ты рядом. Я не видел и не слышал тебя, но я ощущал твой запах, и твои слезы текли по моей щеке. Хорошая моя, ты плакала... Утром, когда проснулся – на моей шее веревка, смотрю – крестик, значит, ты была рядом. Ведь только ты могла его мне надеть.

Он был счастлив и доволен. Я говорила, что операция прошла успешно, теперь долгий период восстановления – и все у нас будет хорошо. У него все болело. Тяжело было даже сходить в туалет. Я старалась ему помочь: поднять кровать, как ему удобно, укрыть, дать попить... Когда я выходила из палаты, то слезы душили меня, я бежала к девочкам-медсестрам и просила успокоительного. Наступил вечер, я уходила домой, поцеловала его. Он сказал:

– Завтра у тебя день рождения.

– Да, я приду к тебе, и мы будем вместе.

Утром я надела желтый костюм, который очень ему нравился, привела себя в порядок и пошла к нему. Он ждал меня, поздравил, поцеловал.

– Хоть бы конфетку принесла.

Я побежала к доктору, спросила, можно ли ему конфеты. Доктор ответил: «Да, сосульки». Я пообещала принести завтра.

– А я знал, что ты наденешь этот костюм. – Он улыбался.

Время текло незаметно. Нам было так хорошо вместе, мы болтали, разгадывали кроссворды, он отдыхал, а я рядом наслаждалась его присутствием. Мы были вместе, и ничего не

могло нам помешать. Вынося за ним судно, идя по длинному больничному коридору, я думала: «О боже, какая я счастливая, да, счастливая, я любима, я люблю, могу быть рядом со своим любимым и быть ему необходимой, как воздух».

Он все повторял:

– Иди, иди домой, к тебе гости придут.

– Сережа, я никого не приглашала, я буду с тобой, мне хорошо.

Уходила я от него поздно, в восьмом часу. Впервые за много дней я не плакала – мне было очень хорошо. Мы так замечательно провели этот день вместе, и я была счастлива. Приехав домой, обнаружила сюрприз. Наши друзья накрыли стол и ждали меня – пришли поздравить и поддержать. Мои добрые, милые, дорогие. Они дарили мне подарки, поздравляли меня, и каждый из них старался меня поддержать

Сережа на 25-летие подарил мне букет из 25 алых роз. Год спустя друзья подарили букет из 27 алых роз. Эти розы я буду помнить всегда – розы дружбы, уважения и любви. Мне было хорошо среди друзей, лишь то, что Сережи не было рядом, тяготило и угнетало меня. Мысль, что ему осталось жить всего чуть-чуть, неотступно сидела в моей голове.

Нет, мой Сережа будет жить. Я готова была бороться за него, искала необходимую литературу, чтобы найти ту соломинку, за которую можно было бы уцепиться. А рядом со мной были его друзья и врачи – я верила им и верила в них.

Мне подарили деньги, а я знала Сережину заветную дет-

скую мечту. Утром я поехала в магазин и купила ему бинокль, который мы выбрали вместе с его институтскими друзьями. Его упаковали в блестящую бумагу, завязали красивый бантик.

Когда мы вошли, он сразу похвалился, что утром доктор дал ему конфетку. Пройдя в палату, я положила на кровать коробку и сказала:

– Это тебе.

– Что же ты опять тратишь деньги... – он ворчал, но мило, по-доброму.

Когда открыл коробку, ему было так приятно – я видела, как на глаза навернулись слезинки. Он отвернулся на секундочку, а потом позвал меня к себе:

– Наклонись.

Я наклонилась.

– Ты лучшая в мире женщина. Я люблю тебя. Спасибо, родная.

Сердце мое сжалось. Слезы душили меня. «Я не могу его потерять», – стучало у меня в голове.

Сережа не был бы самим собой, если бы тотчас не начал шутить: дескать, бинокль я купила не тот, надо было морской... А я радовалась, что он прикалывается: говори, говори что угодно, только говори, мой родной.

Дни шли своим чередом, по-прежнему мы много времени проводили вместе. Сережа стал потихоньку вставать. Шов медленно зарастал. Я постоянно подходила с вопросами к

доктору: что ни прочитаю, что ни услышу – бегу к нему за консультацией. Он меня всегда выслушает, всегда поддержит, а я так нуждалась в этой поддержке.

Сережину операцию показывали по телевизору – я случайно увидела и подсознательно поняла, что несколько врачей действительно колдуют над ним, моим Сережей. Когда дело подошло к выписке, хирурги пообещали, что будут рядом. Они сдержали свое слово.

Мы выписались, мы снова дома. Начались тяжелые дни. У Сережи боли. Маленький ребенок. Дочка-школьница. Обратились к народной медицине, стали лечиться по системе Шевченко. Держались на таблетках спазмалгона. Доктора приезжали, осматривали и успокаивали его: сейчас будет тяжелый этап, этап восстановления, но надо бороться.

Мы решили крестить детей, причастить Сережу и освятить квартиру. Батюшка приехал к нам домой, долго общался с Сережей. Крестины были замечательные, крестными были наши друзья. Вскоре мы уже собирались справлять день рождения сына – ему исполнялся ровно один год.

Священники говорили: надо сказать ему правду, нельзя на себя брать этот грех. К нам приехала Сережина подруга:

– Он должен знать.

– Но как найти слова?

– Ты должна! А он должен бороться, зная, за что сражается сам с собой.

Состояние Сережи ухудшилось. Были приступы и очень

страшная ночь – тогда он впервые не смог сдержаться, так его ломало и мучило. Ночь боли, ночь, когда, оставшись один на один с его болезнью, я впервые ощутила рядом дыхание смерти. Она медленно дотрагивалась до нас, она не красась, она неумолимо надвигалась.

Несмотря на испуг, страх, я не имела права уступать. Я вступила в борьбу, и назад дороги не было. Но как бороться, когда мир перевернулся? У меня было чувство опустошения, а в голове непрерывно стучал только один вопрос: как же правильно поступить? Душу тисками сдавила боль, против которой не существовало лекарств. Цепenea от ужаса, охватывающего все мое существо, задыхаясь от боли и чувства беспомощности, я искала правильное решение.

– Я обниму тебя, буду держать крепко-крепко.

– Я не отдам тебя никому.

– Обними меня, держись за меня – мы вместе, и ничто не может нас разлучить.

Наша сила – только в нас самих, и это холодное, мертвящее прикосновение, делающее больно, ничего не сможет сделать с нашей любовью. Объятия двух любящих людей – это мощь, которая превращает нас в единое, неделимое целое – монолит Любви.

Начались новые приступы. Я испугалась, позвонила доктору:

– Надо ему сказать, что у него был рак, но его вырезали, и теперь все хорошо, главное – бороться.

Врач одобрил, сказал, что человек должен знать правду.

Я позвонила его маме:

– Мама, родная, я должна сказать вам правду: у Сережи рак... Я не говорила раньше, я думала, что все обойдется... Мама, я прошу вас, держитесь!..

Этот диалог мне больно вспоминать. Я плакала, она тоже. Это была наша беда, наше общее горе. Беда двух женщин – матери и жены.

Я спросила маму о том, что нужно ему сказать.

– Не говори, он что-нибудь сделает с собой.

– Мама, я скажу полуправду, что опухоль удалили и теперь все позади.

– Делай, как считаешь нужным.

Спасибо тебе, моя родная, за то, что поверила и поддерживала меня. Я позвонила Сережиным друзьям. Они сказали, что приедут вечером.

Надо было найти такие слова, чтобы он поверил, что все плохое позади. Он видел мои заплаканные глаза, и у него стали появляться мысли, что он мне мешает, что мне плохо. Я должна была переубедить его, встряхнуть, заставить бороться. Но моих сил уже не хватало...

Я вошла к нему в комнату. Он лежал на диване в полумраке, горел только маленький светильник. Я села на диван, взяла его руки, прижала к своей груди.

– Сережа, мне надо с тобой поговорить.

– Что случилось, ты меня пугаешь.

– Сережа, я должна сказать тебе правду.... Когда ты видишь меня заплаканную или раздраженную – это не оттого, что я устала от тебя, нет. Наоборот, я люблю тебя еще сильнее, чем прежде.... У тебя была злокачественная опухоль, ее вовремя вырезали.... Сейчас все хорошо, но теперь ты должен помочь мне бороться, будет очень тяжело. Поверь, я все знала с самого начала. Мне было очень нелегко, может быть, даже тяжелее, чем тебе. Ты должен мне помочь и сейчас не можешь меня предать. Я боролась и борюсь за тебя. Ты знаешь, что ты излечен, что я рядом и буду рядом всегда, соберись теперь! Жизнь началась сначала...

Он прижал меня к себе, я плакала.

– Дурочка, ну что же ты плачешь, ведь теперь все хорошо.

Я видела его глаза, он все понял и оценил. Он смотрел на меня другими глазами, теперь для него все встало на свои места. Он гладил меня по голове и повторял:

– Ну все, все, хорошая моя.

Он держался, хотя внутри все клокотало. Ему было больно, но, глядя на меня, он знал, что мне было еще больнее. Он понимал, что жизнь продолжается, что он будет бороться, потому что у него есть я, его дети. И мы – вместе.

Приехали наши близкие друзья, и этот вечер мы провели как и раньше: шутили, смеялись. Но я понимала, как дорого доставалось Сереже это веселье. В нем шла борьба – его личная, известная только ему одному. Сергей держался, но я чувствовала, что он на грани. Он уходил в себя, у него начи-

налась депрессия. Я разговаривала с ним, мы возвращались к теме болезни, и нам становилось немного легче, ведь все недомолвки ушли. Он верил в меня, всем говорил: «Она все знает, она меня вытащит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.